

Проект издательского дома “Эпоха”

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

Аткай

ВЕРНОСТЬ

Литературный Дагестан

Аткай Аджаматов
Верность (сборник)

«Эпоха»

2007

Аджаматов А. А.

Верность (сборник) / А. А. Аджаматов — «Эпоха»,
2007 — (Литературный Дагестан)

Сейчас, когда я собирался написать «слово о себе» для этой книги, вдруг заметил, вернее, еще раз вспомнил, что у меня почти нет стихов, написанных от первого лица, от «лирического я». Разве только те, где говорю о своей неудавшейся первой любви...

© Аджаматов А. А., 2007

© Эпоха, 2007

Содержание

Слово о себе	6
Стихи	8
Певец и каменотес	8
«Дом мой на распутье двух дорог.»	9
Гора Тарки-Тау	10
Весенняя песня о новорожденном	12
Один шаг	15
Девушка и воин	16
Нарт из аула Нар	17
Кумуз Казияу Али	19
Землетрясение и собака	21
Каменная колыбель	23
Улица Эффенди Капиева	27
Был ты щедр	30
Родник Кайырхана	32
«Словно паласы хучнинской раскраски.»	34
Крылья таланта	35
В Грузии	36
Памяти Галактиона Табидзе	38
Девушка из Цинандали	40
«Был ночью схвачен стражею поэт.»	42
«Только первый пушок.»	44
Вернись, моя юность!	46
Ласточка	47
Весна	48
«Ах, читатель, береги первую любовь!.»	49
Матрешка	51
Кукурузный чурек Забита	52
Кичи-калайчи[26] на Луне	56
Пахарь и поэт	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Аткай

Верность (сборник)

© Аткай, наследники, 2007

© ИД «Эпоха», 2007

Слово о себе

Сейчас, когда я собирался написать «слово о себе» для этой книги, вдруг заметил, вернее, еще раз вспомнил, что у меня почти нет стихов, написанных от первого лица, от «лирического я».

Разве только те, где говорю о своей неудавшейся первой любви...

Но сам я еще с детства любил слушать кумыкские песни героя о своем подвиге и читать стихи, в которых автор выражает свое «я».

Песни героя о себе – как на черкеске газыри! Я говорю о тех газырях, которые полны порохом. Песни героев о своих подвигах – это не хвастовство. Песня и подвиг – близнецы.

*Если станет аргамак похваляться,
Скажет: «Был я в походе первым».
Если сокол станет похваляться,
Скажет: «Сбил я на лету лебедя».
Если станет герой похваляться,
Скажет: «Много я по свету странствовал,
но вернулся в отчий дом».*

Поскольку я, автор этой книги, в походе первым не был, на лету лебедя не сбил, много по свету не странствовал – похваляться мне нечем. Я еще в дороге. Мое желание другое: сохранить в себе вечное удивление миром, людьми. Первозданно, как в детстве.

Был я маленьким. Зеленое поле. Дорога ровная. Но вдруг линейка покачнулась, спускаясь в неглубокую, не очень широкую балку, свернула с дороги и выехала на цветущий луг. Как удивительно бесшумно покатались колеса!

Никогда не забыть бы мне это диво – мягкую, зеленую тишину!

Был я маленьким. Бахчевое поле. Как Млечный Путь, протянулся длинный тонкий стебель арбуза. Боже, какой он огромный! Как целая луна с зеленым ореолом.

Никогда не забыть бы мне это огромное, круглое, полосатое чудо!

Был я маленьким. Вернулись домой к вечеру. Вошли в комнату, в ней оказалось темно. Я маленький, радостный – комната печальная. Моя бабушка Бы-кый-абай зажгла большую лампу. Алла-лалай, валла-лалай! Как я удивился волшебному свету!

*Удивление – начало моей жизни,
Удивление – середина моей жизни,
Удивление – пусть станет концом моей жизни.*

Находясь в дороге, как бы я хотел в своем поэтическом пути сохранить вечную молодость восприятия.

*Мне бы к людям заглянуть,
Тихой строчкой прошептать,
Нежность в девушку вдохнуть,
Парня к мужеству призвать;
В дом за домом бы суметь*

*Постучаться по пути —
Ухо каждое задеть,
В сердце каждое войти!*

АТКАЙ

Стихи

Певец и каменотес

Перевод Л. Миля

Гранит у нас такой,
Он полон тайной жизни,
Сожмешь его рукой —
Не влага, песня брызнет.

Коль встретиться пришлось,
Поймет и без расспросов
Певца – каменотес,
Певец – каменотеса.

И воин на войне,
Захваченный врагами,
Как камень каменел,
Чтоб стать немым, как камень.

К нам в горы не пройти!
И мой народ спокоен:
Ведь камень на пути
У врага,
Как воин.

А если уж беда —
В часы большой печали
Гранитные уста
По-нашему кричали.

Вот почему всегда
Поймет и без расспросов
Каменотес – певца,
Певец – каменотеса.

«Дом мой на распутье двух дорог.» Перевод С. Суцевского

Дом мой на распутье двух дорог.
Лишь окно открою, предо мною
Синий Каспий плещется у ног,
Тарки-Тау¹ встала за спиною.

Густ, как мед, в низине летний зной,
Над волнами чайка проскользила.
А к вершине близится предзимье,
И сентябрь осыпал желтизной
Заросли багряного кизила.

Там кипят на склонах родники,
Песни их снимают утомленье.
Мудрые, как время, старики,
Речи не спеша ведут в селенье.

Канет день, туманится вода,
Море перекачивает камни.
И маяк далекие суда
Обнимает белыми руками.

Голуби воркуют за окном.
Тополя поблескивают влагой.
Тень листвы раскачивает дом,
Просится на белую бумагу.

Обо всем подумай – и пиши.
Но стою я снова на пороге:
Не сидится никогда в тиши,
От души пишу я
Лишь в дороге.

¹ Тарки-Тау – гора в Дагестане.

Гора Тарки-Тау Перевод С. Суцевского

Ветками стреножены ветра,
Строже белый город у подножья,
По тропе извилистой
С утра
Я опять спешу к тебе, гора.
Для кумыка ты всех гор дороже.

Много шрамов на твоих боках
Саблями оставили века.
Кровь текла
По склонам, будто реки.
Помнишь ты, гора, наверняка,
Как страдали и любили предки.

Помнит каждый каменистый скат
Посвист пуль и батарей раскат.
На поживу грифам и шакалам
Здесь швыряли бунтарей со скал,
Развлекая хмурого шамхала².

Ты растила истинных мужчин,
Что могли пришельцев проучить,
Зная цену дружбы нерушимой.
Наскочив на острые мечи,
Захромал сильнее Темучин³,
Так и не добравшись до вершины.

Путь закрыла ворогам гора,
Но, к друзьям приветна и щедра,
Дагестан с Россией породнила,
Хлебом-солью встретила Петра.

И недаром с той поры в Тарках,
Русого приветив кунака,
В честь него, под перезвон стаканов,
Мальчиков аульских нарекать
Стали О-Рус-бием, О-Рус-ханом.

Пролетели над тобой века.
Но вгляжусь – и вижу в час заката:
Подплывают к склонам облака,

² Шамхал – титул кумыкских князей.

³ Темучин – Тамерлан.

Будто бы петровские фрегаты.

Весенняя песня о новорожденном Перевод С. Суцевского

Ливни скалы кресали
И высекли мак,
И фиалки средь скал
Расплескали.
Так навруз мубарак! ⁴
Настежь двери, кунак!
Мир тебе!
Берекет ⁵ этой сакле.

Крепнет запах сосны
На полянах лесных.
Клин гусиный
Над синей долиной.
Стены сакли просторной
Нам нынче тесны.
Два байрама настали,
Две горных весны:
Длинный путь бытия
Начинает твой сын
В зыбкой лодочке
Люльки старинной.

В жар мангалов стекает
Дымящийся жир,
И сверкают ножи.
А зурна ворожит
И на пир нас скликает
Недаром.
Рог чеканный пускают
По кругу мужи.
В дар джигиту
Кинжал в колыбель положив,
Внука дед нарекает
Эльдаром⁶,
Пусть рожденный Весной
В мир войдет, как весна!
Пусть дана
Ему будет удача!
Пусть на скачках горячих
Всегда скакуна

⁴ С праздником весны! (кумык.).

⁵ Берекет – изобилие (кумык.).

⁶ Эльдар – защитник народа (кумык.).

Первым к цели
Приводит Эльдарчик.
Будет добр его взгляд,
Но крепки кулаки.
Как идет в Дагестане
От века,
Да поднимут клинки
В честь него кунаки,
И, венчая победу,
Парча и платки
Украшают коня
Эльдарбека!
Слова он не нарушит,
Друзей не предаст.
В трудный час
Он отдаст им и душу.
От степей до Куруша
Прославят у нас
За радушие
Дом Эльдаруша.
Ни пред кем не согнет он
Угодливо стан,
Слабых собственной силой
Наделит.
День придет,
Как папахи отцы, Эльдархан
Гермошлем космонавта
Наденет.
Но, добравшись
До дальних планет, Эльдарбий
Не забудет обычаи наши.
Будет скалы рубить,
Будет камни дробить,
Расчищая участок
Для пашни.

Говорится у нас:
Как тропа ни крута,
Высота
Покорится отважным.
В добрый час
Мы за сына Эльдара-ата
Тост на звездах
Поднимем однажды.

Барабанщик!
Почаще-ка ритм выбивай!
Выше чаши
С бузою кипящей!

Так навруз мубарак!
О, малыш,
Подрасдай,
Будь джигитом всегда
Настоящим,
Эльдарбай!

Один шаг Перевод С. Суцевского

Над звонким перекатом в час заката
Мне аксакал преданье рассказал.
Купец богатый мастеру когда-то
Сковать кинжал булатный заказал.

Чтоб прочен был клинок, как эти горы,
Семь раз кузнец,
В работе зная толк,
То раскалял его в ревущем горне,
То погружал в бушующий поток.

Немало дней прошло в труде упорном,
Но наконец заветный срок настал:
Клинок покрылся трепетным узором,
И, как струна, поет под пальцем сталь.

Купец клинок достал из узких ножен
И осторожно рукоятку сжал.
– Но он в бою пронзить врага не сможет!
Мне жаль, Лукман, но слишком мал кинжал.

И вот кузнец в усах улыбку прячет
И мальчика зовет: – Взгляни, сынок,
Не чересчур ли строг у нас заказчик,
Вот говорит, что короток клинок.

– Прекрасней нет кинжала в Дагестане,
А о клинке одно сказать могу:
Он в нужный миг длиннее вдвое станет —
Достаточно лишь сделать шаг к врагу.

– Дарю кинжал, юнец! Все дело в шаге. —
Поет с тех пор недаром мой народ,
Что нету лучше меры у отваги,
Чем шаг мужчины, трудный шаг вперед.

Девушка и воин Перевод В. Потаповой

Тавжан

Ты шел, богатырь, кандалы волоча,
И не было к тяжким оковам ключа.
Болотистый путь, даже зимней порою,
Спасительной не покрывался корою.
Высокой стеной подымался бурьян.
Посевы глушило недоброе семя.
И тело твое ослабело от ран,
Как ты одолел непосильное бремя?

Нарт

Я ржавчиной стал, и мои кандалы
Рассыпались горстью железного праха.
Я стал быстротой. Из трясины, из мглы
Я вырвался, топь рассекая с размаха.
Я стал буйнокрылым пожаром, Тавжан,
Чтоб дочиста выжечь бурьян окаянный.
Бальзамом я стал для бесчисленных ран,
И зажили кровоточащие раны.
По грязи я брел в кандалах, а теперь
Стал чистым, как соболев, свободным, как птица.
Врагу моему не исчислить потерь.
Тяжелому времени не возвратиться.
Свой меч, торжествуя, вложил я в ножны:
Пускай отдыхает клинок мой булатный.
Отныне мне новые силы нужны, —
Я буду трудиться для блага страны,
Для блага отчизны моей необъятной.

Нарт из аула Нар Перевод С. Суцеевского

Когда по кручам над аулом Нар,
Пригнув к земле стволы деревьев могучих,
Клинками молний рассекая тучи,
Неслась гроза, как яростный Тулпар⁷, —

Родился мальчик. Предрешая участь,
Гром рокотал: в горах родился нарт.

Ушла гроза к далеким перевалам,
И ливень стих, но эхо среди стремнин
Пророчество стократно повторяло,
Чтоб радовался каждый осетин.

Пел в церкви хор, как исстари ведется.
И, словно родники в узорах солнца,
Напевы плавно древние текли.
Суля в грядущем лавры полководца,
Коста —
Ребенка горцы нарекли.

Но ты на плечи не надел погоны.
Как суетны литые вензеля!
Дымком костров с осенних перегонов,
Хрустальным звоном родников нагорных
Звала тебя родимая земля.

На бедных пашнях, у костров пастушьих,
Когда свирель старинная звучит,
В ночи ее раздумья ты подслушал,
Сумел постичь ее живую душу.
Ее напев протяжный заучил.

Деля с народом горестную участь,
Зажег ты в сердце для него очаг.
Недаром стих, как сирота, задумчив,
Как горы снеговые – величав.

И не ошибся тот из аксакалов,
Что в детстве славным именем нарек.
Настал твой срок: сквозь вековые скалы
Пробился к свету песенный поток.

⁷ Тулпар – сказочный конь.

И расступились над горами тучи.
Певец народный из аула Нар
Отточенными саблями созвучий
Сумел рассечь их, как могучий нарт.

Кумуз Казияу Али Перевод С. Суцевского

Не зря говорится в родной стороне:
Коль дом перестраивать нужно,
То старые гвозди и в новой стене
Сослужат хорошую службу.

Не сложно и новые гвозди забить.
Но с памятью
Будь осторожней!
Кто сможет старинные песни забыть,
Тот новых мелодий не сложит.

Ты древний напев непокорной земли
Сберег нам для сакли просторной.
Тропинка твоя, Казияу Али,
Навеки останется торной.

Ты нас, как садовник, любовно растил,
Мнил шумную славу обузой.
И сам мастерил, и с улыбкой дарил
Нам столько певучих кумузов.

Бывало, лишь дом разберут земляки,
Спешишь ты, как праведник в Мекку,
Чтоб гвозди сухие найти на колки,
Бруски постарее – на деку.

У нас говорят:
«И былинка – струна,
Коль песни душа захотела».
У нас говорят:
«Не слышна и зурна,
Коль сердце не вкладывать в дело».

По цвету вино узнает тамада.
Взяв дерево в чуткие руки,
Ты песню угадывать мог без труда
В обычной чинаровой чурке.

Ты тело платана любовно ласкал,
Искал в его кольцах детали.
Кумузы из рук ты, как птиц, выпускал,
Чтоб к людям средь скал долетали.

Пусть помнит кузнец, начиная клинок:

Однажды сверкнет он из ножен.
Кто сделал кумуз, тот надежду сберег
И радость людскую умножил.

Надолго простившись с родимым селом,
По тихим дорогам и бурным
Заветный кумуз ты возил за седлом,
Укутав, как девушку, буркой.

Казак⁸ – это сердце кумыкских степей,
И споры об этом излишни.
А ты же, всей песенной сутью своей,
Биение жаркое слышал.

Ты слышал дыхание нашей земли
И щедрую душу народа.
Ты сеял добро, Казияу Али,
Пусть нет тебя с нами,
Но годы прошли —
И щедрыми выдались
Всходы.

⁸ Ирчи Казак – классик кумыкской литературы; создавал свои песни под аккомпанемент кумуза.

Землетрясение и собака Перевод Г. Ладонщикова

В горах Дагестана,
Вблизи Ахатлы,
Где с тучами рядом
Летают орлы,
Где луг на ковер
Разноцветный
Похож,
Расположился
Временный кош.

Овцы паслись
У подножья горы,
Собака скрывалась
В тени от жары,
А возле кошары
Мальшка
В коляске
Сосала пустышку...

Вдруг камни с горы,
Грохоча, полетели.
В земле появились
Провалы и щели.
Земля,
Что дремала веками,
Дрожала, тряслась
Под ногами.

Буйвол от страха
К реке прибежал,
Волк заметался,
Гриваст и поджар,
Не знал, где найдет он
Спасенье
От ужаса
Землетрясения.

Коляска качалась
Туда и сюда.
Момент – и случится
С ребенком беда:
Рядом расщелина —
Страшно смотреть.
Коляска в расщелину

Может слететь!..

Ребенку на выручку
Мать прибежала.
Схватила коляску
И тут увидала:
Под нею
Собака лежала
И крепко коляску держала.

Каменная колыбель Перевод С. Суцевского

Мгла окутала
Аул Кумторкала.
Заткала заря
Таркалы⁹ по низинам
И, роняя росы алые
С крыла,
Как фазан, скользнула
В заросли кизила.

Льется в рог
Горбатой улочки покой,
И долины за рекой
Поголубели.
Молодая мать
Усталою рукой
Поправляет дочь
В старинной колыбели.

Пахнет в сакле
Теплым хлебом и дымком.
За распахнутым окном —
Дыханье пахот.
Но пустует нынче
Гвоздь над очагом,
Где висит всегда
Хозяйская папаха.

Продубленный ветром бешеным
Вершин
И чабанскими кострами
Опаленный,
Перегон отар
Успешно завершив,
Он спешит домой
С кошары отдаленной.

Только дрогнул руль —
Над логом у реки,
Разгораясь,
Как под пеплом угольки,
Сквозь туман зрачки

⁹ Таркалы – подпорки для виноградной лозы.

Сверкнули на дороге.
Круторогий тур
И толстые сурки
На отроге горном
Мечутся в тревоге.

Напролом летят
Сквозь рощи секачи.
Льются полчища
Тушканчиков, как сели¹⁰.
С легким шелестом,
Что черные ручьи,
Змеи плавно вытекают
Из расселин.

Беззащитный царь природы,
Не взыщи!
Там, где мнимое спокойствие обрящешь,
Ящер кожею
Опасность ощутит,
Щитоморднику подскажет
Каждый хрящик.

На виду аул.
А путник как в бреду.
Непонятное вокруг него творится:
Почему-то смолкли
Птицы вдруг в саду,
Воют псы,
Как будто чувствуя беду,
В степь бредут
С тоскливым ревом буйволицы.
В дом шагнул он,
Но раздался грозный гул.
Люльку в руки —
Но земля взревела глухо.
Прочь! На улицу! —
Но вздыбился аул.
Закачался дом,
Как лодочка, —
И рухнул.

Стала склепом сакля мирная.
Конец!
Но, приняв на плечи
Каменные груды,
Обессиленный,

¹⁰ Сели – грязевые бурные потоки.

Израненный отец
Колыбель успел закрыть
Своею грудью.

В лапах бедствия
Хребты хребтов трещат.
Тщетно все,
Когда, фундаменты ощерив,
Гнутся скалы,
Как огромная праща,
Сакли сбрасывая
В черные ущелья.

Все надежды на спасение
Оставь!
Но под ношею
Разрушенного зданья
Он стоит,
Как арка горского моста,
Над ручьем чистейшим
Детского дыханья.

Слышит —
Плачет над развалинами мать,
Только силы не хватает
Отозваться.
Зубы сжать,
Но только ношу удержать!
Умереть и камнем стать,
Но не сдаваться.

А костяк
Под страшной тяжестью хрустит.
Дочь проснулась и заплакала.
– Родная,
Скоро утро,
И тебя должны спасти,
Спи спокойно, моя Айна,
Баю-баю!

Рассветало.
Над рекой туман белел.
Под обломками,
Под грудами щебенки
Отыскали люди утром колыбель,
В ней нашли
Спокойно спящего ребенка.

Есть могила на распутье

Двух дорог.
Колыбель над нею высек
Старый резчик.
Есть поверье: люльку древнюю сберег —
Значит, род свой
Сохранить сумел навечно.

Если только, люди,
Грянет смертный бой,
Всю любовь,
В кулак все силы соберите,
Если нужно будет,
Жертвуя собой,
Колыбель,
Чтоб род не умер,
Сберегите!

Улица Эффенди Капиева Перевод В. Портнова

Улица короткая, как жизнь,
На подъемах спину гнет упрямо
И тяжелой лестницей бежит
Там, где нужно не в обход – а прямо.

Тыщей ног давно истерт асфальт,
Обнажив зазубренный бульжник.
Будто здесь прошла волна атак,
Смертная волна во имя жизни.

Вешним ульем детский сад гудит,
А напротив старый дом с балконом.
Здесь ты жил когда-то, Эффенди,
Дом стоит, тебя же – нету дома.

Где-то рядом жил и Аурбий —
Критик, полный рвения и чванства,
По тебе снарядом критиканства
Из недальновидной пушки бил.

В правоте не сомневался он,
Но сумело время подытожить:
Аурбий забвеньем уничтожен,
Эффенди признаньем вознесен.

Улица Капиева – как честь,
Улица Капиева – как память.
Можно мало жить – но дел не счесть,
Долго жить – но память не оставить.

Улица Капиева... Но где ж
Кустари веселые, как дети,
С неизбывною казной надежд,
С жаждой поделиться всем на свете?

Здесь царили запах чеснока
С кислотой в мастерских подвальных.
Старые подвалы на замках...
Нет лудильщиков, нет мастеров кинжальных.

Не кинжал – а время нам судья,
И не потому ль, кинжальщик старый,
Прежний промысел ты свой оставил,
И теперь – часы твоя судьба.

Часовая мастерская,
Строг
Стесанный порог твой под ногами.
Время черновых не пишет строк,
Все навечно, как резьба на камне¹¹.

Время ходит в наших башмаках:
И в ботинках модных, и в чарыках,
А еще в солдатских сапогах —
И живых солдат, и тех – убитых.

Девушка идет, собой горда,
Но на полушаге замирает —
И, нагнувшись, корку поднимает,
Как птенца, что выпал из гнезда.

Удивительного в этом нет:
Повелел намус ей, а не голод.
Корка хлеба – тоже берекет,
Трижды берекет, когда ты молод.

Эффенди, ты знал получше нас:
Разными бывают берекеты —
Ты сумел сдружить зурну и саз,
И открылись людям два поэта.

Тащит камни горная река —
Так и ты трудился неустанно.
Словно поводырь, твоя рука
Привела в Россию Сулеймана¹².

Сколько раз бывало, Эффенди,
Ночи над столом рабочим висли.
А под утро из твоей груди
Вылетали птицы слов и мыслей.

Аурбиевы кричат: скандал —
На народное купил он славу!
Да, в народе взял, ему ж отдал,
Все помножив на талант и право.

Право сметь идти на бой и смерть,
Право вопреки щедротам лживым
Так сберечь народное сметь,

¹¹ «Резьба на камне» – название книги Э. Капиева

¹² Сулейман Стальский – народный поэт Дагестана, стихи которого первым перевел и затем постоянно переводил на русский язык Эффенди Капиев

Что в тебе оно навеки живо.

С чем я щедрость мудрую сравню?.. —
Словно ты наперекор недугу
Хлеб свой честный отдавал коню,
А коня потом дарил ты другу.

Ты сумел по крохам собирать.
Нынче ж есть ревнителю такие —
Что бледны пред ними аурбии —
Так они умеют разбросать.

Эффенди, ты малому знал счет,
Может быть, не понятый иными —
Чтобы оказать ручью почет,
Вброд идя, закатывал штанины¹³.

Цада-юрт, Шуни и Ахсай-юрт —
Горные, низинные селенья...
Хлеб везде по-разному пекут,
Но любой – достоин уваженья.

Золотые двери мастера,
Деревянные держал в почете¹⁴,
Ничего не делая зазря,
Почерк свой чеканил ты в работе.

Ты в труде обрел упругость крыл,
И орлино-зорким стало око:
Русской песне двери ты раскрыл,
Горской песне распахнул ты окна.

...Путь начав от площади вождя,
Как Сулак в горах набравши силы,
Улица, между домов гудя,
К морю верный путь себе пробила.

Безмятежна дрема древних вод,
И дорожка лунного свеченья —
Будто улицы короткой продолженье,
Тянется за самый горизонт.

¹³ Поговорка: «Кто будет чтить нашу речку, если не мы сами».

¹⁴ Дагестанская пословица.

Был ты щедр Перевод С. Суцевского

Абуталибу Гафурову

Был ты щедр, как летние
 рассветы,
Чист душой, как росные
 цветы,
Жил и пел, как должно
 жить поэтам,
Сторонясь тщеславной
 суеты.
Музыкант, ремесленник
 и пахарь,
Ты себе ни в чем не
 изменил,
Старую овчинную
 папаху
На каракуль все же не
 сменил.
Трость в руках – и та
Под стать владельцу:
Узловата, согнута,
 крепка.
Не любил изысканных
 безделиц,
Все, что делал, делал
 на века.
Тверд, надежен, как
 родные скалы,
Как земля родимая,
 простой.
Сочетал ты мудрость
 аксакала
С детской сердечной
 простотой.
Твой напев правдивый —
 как дыханье.
Те стихи, что людям
 ты слагал,
Были крепки, как вино
 в духане,
Сочны, словно травы
 на лугах.
Взял размах ты
 у весенних пахот.

Строк твоих певучая зурна
Чебрецом,
 степной полынью пахла
И была, что рощи,
 зелена.
Был ты чист, как
 летние рассветы,
Ненавидел суету и ложь.
Жизнь прожил, как
 должно жить поэтам,
На стихи свои во всем
 похож.

Родник Кайырхана Перевод С. Суцевского

Где рдеют маки и стрекозы реют,
Где над водой склоняются цветы,
Прозрею вновь,
Земляк из Эндирея, —
Нет ничего мудрее доброты.

Не потому ли, чтя обычай горский,
Чист, как дитя, в ненастье и в туман
И дом, и душу путнику, как гостю,
Распахивал с улыбкой Кайырхан.

– Бузу на стол! Гость в доме не обуза! —
И с радостью, и с грузом горьких бед
Твоя семья, как три струны кумуза,
По вечерам влекла людей к себе.

Любую грусть участие друга лечит.
С веселой песней легче перевал.
Пусть у других покрепче были плечи,
Но ты всегда их первым подставлял.

Ты говорил: «Неистребима зависть.
И зло повсюду на земле живет.
Но коль улыбка в сердце завязалась,
То плод любви созреет в свой черед».

Но этот мир устроен так нелепо!
Людской бедой он не бывает сыт.
Шальной пулей на исходе лета
Смертельно ранен был любимый сын.

Ты ждал любви, но вот к тебе под кровлю,
Как волк в кошару, ворвалась беда.
Родня твердила: «Кровь смывают кровью.
Мсти, Кайырхан, чтоб выполнить адат.

Спусти курок, пусть кровь из раны брызнет!»
Но мстить легко, труднее во сто крат,
Нет, не убийцу, а жестокость жизни
Своею добротой покарать.

За днями дни текли в труде упорном.
И там, где сын издал последний крик,
Среди камней струею непокорной

В ауле горном зазвенел родник.

Стареем мы, и все вокруг стареет.
Лишь струи, как душа твоя, чисты.
Да, ты был прав, земляк из Эндирея, —
Нет ничего мудрее доброты.

В дни горьких бед, в минуты неудачи,
Когда на сердце слишком тяжело,
Приду сюда, склонюсь к воде прозрачной,
Чтоб силы взять – воздать добром за зло.

«Словно паласы хучнинской раскраски.» Перевод С. Суцевского

Расулу Гаджиеву

Словно паласы хучнинской раскраски,
Утро туман на песках расстиляет.
Синьку насыпало в ласковый Каспий
И облака, что пеленки, стирает,

Пену взбивает у низкого мола,
Гонит кефаль на раздольные тони.
Горец на отмели, взор – будто море.
Глянет красавица – сразу утонет.

Вспомнилась мне поговорка невольно:
«Звезды и днем синеглазый заметит».
Смотрит задумчиво горец на волны,
Шаг ненароком пред ними замедлил.

Что он средь них отыскать уповает?
Там, где баркасы гуляют вразвалку,
Быстрыми взмахами вдаль уплывает,
Может быть, женщина, может, русалка.

Может, конец это, может, начало.
Может, разлука, а может, и встреча.
Может быть, чайки кричат у причала,
Может быть, слышатся нежные речи.

«Клонится низко луна над водою,
Но все равно никогда не утонет,
Гонится быстро волна за волною,
Но все равно никогда не догонит.

Гонятся все за далекой мечтою,
Ловят, искусные сети расставив.
Может быть, рыбкой сверкнет золотою.
Но, вероятней, бесследно растает».

Волны играют у берега в салки.
Прячет с улыбкою ласковый Каспий,
Может быть, женщину, может, русалку,
Может быть, явь, а может, и сказку.

Крылья таланта Перевод С. Суцевского

*Братьям-близнецам художникам
Сунгуровым*

Прощайте!
Прощайте, два друга, два брата!
Навеки два мастера нас покидают.
Гасан и Гусейн – словно крылья таланта,
А птицы – всегда на лету погибают.

Еще не просохли веселые кисти.
Звенят на полотнах весенние реки,
Луга зелены, распускаются листья,
Но стужа сердца вам сковала навеки.

Согретые вашим кипучим талантом,
Поют на полотнах гармони и бубны,
Выходят с чунгурами в круг музыканты...
Но люди рыдают – вас больше не будет.

Две жизни зажглись, как две радуги вместе,
И мать в колыбели вас вместе качала.
Но годы промчались, и вместо невесты
Жестокая смерть в вашу дверь постучала.

Прогоркла буза, что для свадьбы варилась.
Склонитесь в печали, родимые горы.
Нежданное горе на плечи свалилось,
И горькие слезы сжимают нам горло.

Промчатся над вашей могилою годы.
Вы рано ушли, но так много успели.
Поэтому живы в душе у народа
Два имени светлых: Гасан и Гусейн!

В Грузии Перевод С. Суцевского

Гул Куры летит над горной кручей.
Круче тропы облачных отар.
Я, подручный в кузнице созвучий,
На певучей родине Шота.
В чаши башен
Щедро льется солнце.
Замки над кипящею водой,
Словно рог, – как водится у горцев, —
В честь гостей,
Кавказских стихотворцев,
Грузия подьмлет тамадой.

На пирах рекой струятся вина.
Воды рек здесь, как вино, хмельны.
Леки¹⁵, полонившие Давида¹⁶,
Картлией¹⁷ навеки пленены.

Лозами дороги вьются в дали.
Рад гостям,
Встречает нас, как брат,
Старший виноградарь Цинандали,
Он и сам усат,
Как виноград.

Усадив друзей в тени чинары
И пустив по кругу турий рог,
О далеких временах Тамары
Речь ведет,
Что истинный знаток.

Садовод и мастер дел шашлычных,
Вина воспевает, как поэт;
Винодел,
В стихах иноязычных
С первой строчки чувствует букет.

А пока вокруг звучали тосты,
Любовались малышами гости.
(Мне они напомнили внучат),
Схожи меж собою, словно гроздья,

¹⁵ Леки – древнее название всех дагестанцев.

¹⁶ Давид Гурамишвили.

¹⁷ Картлия – древнее название Грузии.

И курчавы, как цветущий чай.

А отец детишек сгреб руками,
На жену скопил лукавый взгляд:
«Я не агроном,
И черенками
Разводил с Нателой этот сад».

Дым костра плывет над росным лугом.
Час прощанья.
Мы стоим, грустим.
Дальний край,
Где повстречались с другом,
Стал отныне близким и родным.

Тронул вечер позолотой листья,
Кисти ветра обмакнув в закат.
Мы стихи о Грузии в Тбилиси
На своих читали языках.

Об одном мы только сожалели:
Здесь не знают горских языков,
Та любовь, что высказать хотели,
Не согреет наших кунаков.

Но грузинский академик вышел,
И тогда, доволен от души,
Турчидагский диалект услышав,
Аксакал усищи распушил¹⁸.

И, гостей навеки покоряя,
Не спеша, грузины повели
По-даргински речь о Батырае¹⁹,
По-лезгински речь о Шарвили²⁰.

Вновь пленен я четкостью созвучий.
Для меня еще дороже стал
Мой язык певучий, словно ключик
У грузинки молодой в устах.

Для грузина дружба не для тостов.
Тут закон гостеприимства чтут.
Языком родным приветив гостя,
Честь его народу воздадут.

¹⁸ Абуталиб Гафуров.

¹⁹ Даргинский поэт.

²⁰ Лезгинский народный герой.

Памяти Галактиона Табидзе Перевод С. Суцевского

Вскачь потоки мчат со скал высоких,
Рассекая склон неустрашимо.
Если стойкость и любовь в истоках,
Строки песен вспять текут к вершинам.

Чтобы к струям тина не пристала,
Легкий путь искать им не пристало.
Скалы – в прах, в песках – не иссякают.
Если ночь настала, как кресало,
Молнии из сердца высекают.

Сталью строф хребты столетий руша,
Станут морем, той стихией вечной,
Что от смертной стужи равнодушья
Укрывает души человечьи.

Я открыл неожиданно эту тайну
На туманных улицах Тбилиси.
Дым кутанов в раннем небе таял,
И с платанов облетали листья.

Обнажив вершины, как кинжалы
Деды обнажали для обета,
В час рассвета горы провожали
В плаванье последнее поэта.

Выше жизни песни здесь ценили.
Ими и целили, и карали.
Вирши здесь всегда цари кропали,
А поэты в Картлии царили.

На плечах у юношей печальных,
Чуть качаясь на волнах канона²¹,
Вверх по склонам, к вечному причалу
Уплывал корабль Галактиона.

Над поэтом женщины рыдали.
Встав рядами, скорбные грузины
На горе земле его предали,
Будто в море песен погрузили.

²¹ Канон – повторение музыкальной темы разными, последовательно вступающими друг за другом голосами в виде непрерывной имитации.

Чтоб с заветной высоты Мтацминды²²
Видел он свой город на рассвете,
Где гурьбой курчавой гиацинты
В скверы выбегают, словно дети.

Чтобы пахот вешнее дыханье
С песнею волынки долетело,
Чтоб, услышав звон стихов в духанах,
Знал поэт, что чтут его картвелы.

Вскачь потоки мчат со скал высоких,
Рассекая склон неустрашимо.
Если стойкость и любовь в истоках,
Строки песен вспять текут к вершинам.

Но мудра, заботлива природа.
Воды ливнем в горы возвратятся.
Став душою своего народа,
Песни в новых песнях возродятся.

²² Мтацминда – гора над Тбилиси.

Девушка из Цинандали Перевод Н. Гребнева

Благодатны земли Алазани,
Все здесь есть: и солнце и вода...
Девушка с жемчужными зубами,
С бархатными черными глазами,
Алазанка, ты спешишь куда?

Знаешь ты, вершина снеговая —
Давняя граница наших стран.
Склон один – земля твоя родная,
Склон другой – родной мой Дагестан.

Та гора, как белая царевна,
Смотрит вдаль, не поднимая глаз,
И пред ней смиряют нрав свой гневный
Ветры, к вам летящие от нас,

И, стремясь достичь ее скорее,
Прикоснуться к девичьей груди,
Каждый раз теплеют и добреют
К нам от вас спешащие дожди.

Дарим мы прохладу Алазани,
Ваше небо дарит нам дожди,
Алазанка, с черными глазами,
Не спеши, родная, погоди!

Есть деревья в парке Цинандали,
Прозванные в час большой беды
Деревами горя и печали,
Деревами смерти и вражды.

Старый дуб других дубов косматей.
Были времена: в дупле его
Черноглазая твоя праматерь
Пряталась от предка моего.

Есть и у дерев отцы и дети —
Возле старых юные растут.
Жаль, что молодым деревьям этим
Ни имен, ни прозвищ не дают.

Шелестят, возвращенные на счастье,
Юные чинара и дубок.
Я б одно из них назвал «Согласье»

«Дружба» – так другое бы нарек.

«Был ночью схвачен стражею поэт.» Перевод С. Суцевского

Мусе Джалилю

1

Был ночью схвачен
Стражею поэт
И к хану приведен.
Тот поднял очи
И усмехнулся:
– Ты мой трон порочил.
Теперь воспой,
Как славен он и прочен.
А если, червь ничтожный,
Не захочешь,
Под лютой пыткой
Путь земной закончишь! —
Но только «Нет!»
Услышал хан в ответ.

Под батогами из воловьих жил,
На дыбе у безжалостного ката
Поэт не дрогнул:
– Близится расплата,
И ты, тиран,
Дрожишь в своих палатах.
Да, я умру,
Но песня будет жить!..

2

Как тот батыр,
Ты знаешь слово «Йыр»²³,
Тобой отвага предков
Не забыта.
В плену бесстрашно
Продолжая битву,
Ты был убит
В застенках Моабита,

²³ Йыр – героическая песня.

Но голос твой
Услышал целый мир.

«Готов ваш Кремль
Оружие сложить».
Орали репродукторы на плаце.
Совал в лицо
Газеты рыжий наци:
«Джалиль желает
Фюреру служить».
И, заглянув сочувственно
В глаза,
Он убеждал:
– Прочтут их и в Казани.
Вас дома ждут
Позор и наказание,
Отныне нету
Вам пути назад.

Стучат шаги
Конвоев по ночам.
И прочен свод,
И раны кровоточат.
Но ненависть
В груди певца клокочет.
И, лживые зачеркивая строчки,
Стихи, как пули,
Бьют по палачам.

Ложь недругов
Истлела без следа.
Но песни,
Что сложил ты в Моабите,
Как сабли, обнаженные для битвы.
Их ржавчина не тронет
Никогда.

«Только первый пушок.» Перевод С. Суцевского

Только первый пушок
Над губою пробился
(Как и все, я в семнадцать
Усы отпускал),
Чтобы я не форсил пред соседкой,
А брился, —
Самодельный кинжал
Мне вручил аксакал.

Рукоятка —
Из рога могучего тура,
Синеватый клинок —
Из обломка штыка.
А ножами служила
Косматая шкура
За Акташем²⁴ убитого мной
Барсука.

Много лет над землей
С той поры пролетело.
Борода побелела,
Виски в седине.
Но кинжал на ремне
Я подправлю умело —
Лучшей бритвы поныне
Не надобно мне.

Старика, что кинжал
Подарил мне когда-то,
И болезни, и старость
Согнули дугой.
Вот тогда-то
Он посох завел узловатый
И в подошву его
Вбил обломок другой.

И уверенней сразу же
Сделалась поступь.
И спокойно старик
По тропинке идет.
Прочен штык,

²⁴ Акташ – река.

На скале не затупится посох,
В гололед
Он хозяина
Не подведет.

Если б стали преданьем
Кровавые битвы,
Если б людям
О войнах жестоких забыть,
Все стальные штыки
Переделать на бритвы,
А обломки их
В посохи старцам забить.

Вернись, моя юность! **Перевод Дм. Голубкова**

Снова, снова рощи Подмосковья!
Величавы грома перекаты.
Вспыхнувшей юностью объятый,
Встречусь ли с минувшей любовью?

Снова, снова я измаян маем,
Сердце пробивают ливня стрелы...
Мы с мечтою дождь переживаем,
Стоя под крылом березы белой.

Ливню неумному переча,
Костерок пылает пионерский.
Юность, юность,
Выбеги навстречу —
В прятки поиграем в перелеске.

Скачки молодецкие затеем,
Понесемся вдаль легко и споро...
Я теперь не буду ротозеем,
Я тебя не упущу так скоро!

Кажется,
Что зеленью вихрастой
Я, как почка вешняя, проклюнусь...
Здравствуй, Подмосковье!
Роща, здравствуй, —
Где-то здесь моя таится юность.

Ласточка Перевод С. Суцевского

Снова крылья ласточки
Точеные
Над водой
Прозрачной Алазани
Брови мне
Напоминают черные
Над твоими
Синими глазами.

Верно, корм
Касатка ищет птенчикам.
Все снует,
Орнаменты вычерчивает.
Как твой нрав,
Ее полет изменчив.
О любви и радости
Доверчиво
Мне с утра до вечера
Щебечет.

Ласточка
Волны крылом касается.
Я же снова
Думаю ночами:
Ты для счастья
Рождена, красавица,
Но приносишь мне
Одни печали.

Весна Перевод В. Микушевича

Трескается лед.
Зеленеет луг.
Дождь порою льет,
Дышит все вокруг.

Влагу пьют поля.
К черту белизну!
Черная земля
Слушает весну.

Жаворонков свист,
Кваканье в прудах.
Теплый воздух чист,
Жизнь кипит в кустах.

На холме поет
Звонкая зурна.
Танцевать зовет
Девушек весна.

Небосвод глубок.
Все цветет в тепле.
Целовать цветок
Хочется пчеле.

Прячется фазан
В зелени лесной.
Словно океан,
Мир широк весной.

«Ах, читатель, береги первую любовь!..»
Перевод Е. Елисеева

Ах, читатель,
 береги
Первую любовь!..
Мы друг другу не враги,
Чтобы портить кровь,

Чтобы дать худой совет,
Чтобы обмануть,
Чтоб толкнуть на ложный след,
На неверный путь...

Оттого я вновь и вновь
Спрашиваю вас:
Всем ли первая любовь
В жизни удалась?

Слышу я со всех сторон,
Не от одного —
То ее не любит он,
То она – его.

А бывает на кону
И побольше счет:
Любят пятеро одну,
И наоборот.

Словом,
 что ни говори,
А слепой судьбе
Ни к чему поводыри.
Знаю по себе.
Так ведется испокон.
Много лет назад
Я ведь тоже был влюблен
В нашу Рабият.

Я ходил за ней,
 как тень,
И всегда молчал.
Начинал я с нею день,
С нею день кончал.

В сад, бывало, забреду —
Вор, ни дать ни взять:

Мне хотя б в ее саду
Дерево обнять.

И, на крыше притаясь,
Через дымоход
Я подслушивал
 не раз,
Как она поет.

На несчастье свое,
Видно за грехи,
Начал я из-за нее
Сочинять стихи.

Матрешка

Перевод С. Суцевского

Я с вами хочу поразмыслить немножко
О кукле – обычной румяной матрешке,
В цветистой кофточке, в узорчатой шали...
Земля – это шар, но есть атомы в шаре.
А в атоме есть и поменьше частицы,
Но могут и эти частицы делиться...
Здесь, впрочем, пора к знатокам обратиться.

Откроешь матрешку – другая матрешка,
И носик картошкой – и кофта в горошек.
А там и поменьше – одна за другою.
Все те же – румянец и брови дугою,
Все так же их шали повязаны туго.
Матрешки живут, защищая друг друга.
И старшая младшую холит и любит.
В матрешке – матрешка.

В частице – частица.

Грядущая жизнь – в предыдущей таится.
Так было, так будет! —
Запомните, люди!

Кукурузный чурек Забита Перевод С. Суцевского

Наши дни давно минули.
А как будто бы вчера,
Коротали мы в июле
Вечера в родном ауле
С сыном старого Чора.

Мало сладкого испито,
Много всякого избыто,
Только дружбы – не избыть.
Ни за делом, ни за бытом
Мне Забита не забыть.

Рябоват, не вышел ростом,
Был он всем родней, чем брат.
Рад отдать, что ни попросим.
Долг несем – не хочет брать.
Поговорки сыпал просом:
«Сливки гостю —
Полной горстью,
Сам себе оставь обрат.
Добрым жить на свете просто,
Потому что нет добра».

Бедно жил, но, день встречая,
Не тужил наш старожил.
Будто устали не чая,
Рук, скучая, не сложил.
Обувь днем тачал сельчанам,
Ток ночами сторожил.
Мягкий днем, он поздней ночью
Был колючим, словно еж.
Всем, как будто между прочим,
Повторял одно и то ж:
– Коль мое, бери, что хочешь,
А народное – не трожь!

Помню, травы терпко пахли,
Смолкли птахи у проток.
А Забит лишь на порог,
И опять в руках папахы:
– Вечер лег,
Пора на ток.

– Ты присядь да пообедай, —

Как всегда ворчит Айшат. —
Так и в Мекку по обету
Перед смертью не спешат.

Растолкуй мне, много ль толку
До зари бродить по току,
Уходить в поля чуть свет?
В сакле хлеба только-только,
И толики лишней нет.

– Не избалованы ситным,
Нам знакома лебеда.
Пусть живем не очень сытно —
Не беда.
Зато постыдным
Хлеб наш не был никогда.

– Мне чужого и не надо.
Да с тобой не стало сладу.
Так, как ты бежишь на ток,
И на собственную свадьбу
Не спешил еще никто.

А Забит улыбку прячет.
– Дед сказал про свадьбы мне:
«Кто опаздывает – плачет,
Кто торопится – вдвойне».

Хороша зурна звучаньем,
А жена, Айшат, молчаньем.
Мгла легла,
Зовут дела.
И чем потчевать речами,
Ты бы хлеба мне дала.
– Начала я печь мичари²⁵,
Да, беда, недопекла.

Говорит народ обычно:
«Не прожарился испод,
В рот не взять чурек пшеничный,
Кукурузный – так сойдет».

Говорят, жене перечить —
Красным перцем черный перечить.
И Забит, не тратя слов,
Хватъ сырой мичари с печки,
Со двора – и был таков.

²⁵ Мичари – чурек из кукурузной муки.

Ночь промчалась, ночь кончалась.
Затуманилась вода.
Как сазан, в прудах качалась
Предрассветная звезда.

Тишина плыла над током.
Но, едва зашла луна,
Над потоком, как под током,
Резко вскрикнула желна.
И до срока в чаше дрока
Затрещала вдруг сорока,
Как сварливая жена.

– Неспроста не спится птице.
Знать, и мне дремать не след. —
Глядь – в кустах арба с пшеницей,
Обок – давний их сосед.

– Жаль, что поздно я на помощь... —
А ему в ответ Мужай:
– Коль соседство чтить и помнить,
Прочь ступай и не мешай!

Под покровом темной ночи
Кончим дело, ну а там,
Точно братья, если хочешь,
Все поделим пополам.

Говорит Забит со вздохом:
– Мне, сосед, хвала судьбе,
От чужой пшеницы плохо.
Ты ее оставь себе.

Подарил Аллах нам встречу,
Если он на небе есть.
Помнишь, ты в мечети речи
Людам вел про долг и честь?

Я до слова их запомнил.
Забывать их смысла нет.
Вижу, ты арбу заполнил,
Значит, едем в сельсовет.

Рвется только там, где тонко,
Где жена не подвила.
Ты подвел вола тихонько,
Да сорока подвела.

Как ни ловок коршун черный,
Меткой пули – не избежь.
Съел чурек недопеченный,
А тебя сумел допечь.

Мало сладкого испито,
Много всякого избыто.
Годы мчат, как реки с гор.
Только те слова Забита
Не забыты до сих пор.

Мысли в рифмы облакаю
Торопливо, на бегу.
Вечность им не предрекаю.
Пусть порой недопекаю,
Кой-кого допечь смогу.

Кичи-калайчи²⁶ на Луне Перевод С. Суцеевского

Стучит молоточком кичи-калайчи,
Паяет, лудит, выправляет.
Но тает закат, над кустами арчи
Из тучи луна выплывает.

Взглянул на нее калайчи и грустит:
«Такая работа кумухцам²⁷ не льстит.
Осудят лудильщиков люди.
Как старое блюдо, совсем не блестит,
Кой-где отлетела полуда».

Как каждый, кто в лакском ауле пожил,
Кузнец, и жестянщик, и медник,
В хурджин²⁸ он пожитки немедля сложил,
Надел свой прожженный передник.

Ручаться – нелепо, судить не берусь,
Где был калайчи, а где не был.
Но лакцу, который забрался в арбуз²⁹,
Не трудно добраться до неба.

Сперва он работу прикинул на глаз:
«А, право же, выйдет на славу!»
Отчистил планету золою, как таз,
Нанес осторожно протраву.

Взял висмута в меру кичи-калайчи
И олово в горне расплавил.
Луну полудил он, как прадед учил,
И плечи устало расправил.

Достал уголек, самокрутку зажег,
Глоток из кувшинчика выпил.
«И лучше бы мог, да забыл молоток,
А то бы и кратеры выбил».

Проснулся под утро, не верю глазам:
Сверкает, качаясь на ветке,
Большая луна, будто новый казан

²⁶ Кичи-калайчи – шутовское название лакских лудильщиков.

²⁷ Кумухцы – жители аула Кумух, известного своими мастерами.

²⁸ Хурджин – дагестанская ковровая сумка.

²⁹ «И в арбузе лакец себе работу найдет» – народная поговорка.

На кухне у нашей соседки.

Ая³⁰ меня небылицам учил,
И выдумал их я немало.
Зачин сочинил про кичи-калайчи,
А сказка, увы, запоздала.

Мы парус подъемлем на звездном ветру,
И сказки ветшают, как вещи.
И только смекалка, уменье и труд
На свете останутся вечно.

³⁰ Ая (Акавов) – известный дагестанский сказитель.

Пахарь и поэт

Перевод Н. Перевалова

Старый плуг погрузил на арбу Сабанай
Да пшеницы насыпал в мешок через край.
И в упряжке волю побрели не спеша.
– Пусть стократным вернется домой урожай!

Плуг он в поле поставил. Восходит заря.
А волю недовольны. Клянут плугаря.
Тянут в разные стороны, хмуро мыча:
– Намозолим ярмом свои шеи мы зря!

Плуг уперся. Не хочет идти он вперед:
– Дал я клятву: «Железо во мне не умрет!»
Но я в поле неожиданно сломаться могу —
И железная клятва моя пропадет.

Застонала земля перед пахарем: – Ах!
Я такая зеленая – в травах, цветах.
И изрежут меня – почернею с тоски.
Помоги, помоги, всемогущий Аллах!

И зерно в борозде все вздыхало с утра:
– Ой, постелька моя и темна, и мокра! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.